

УДК 94(47).035:32(045)

*М.А. Несин***К ИСТОРИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ПСКОВА К МОСКОВСКОМУ ГОСУДАРСТВУ**

Статья посвящена истории присоединения Пскова к Московскому централизованному государству в 1509–1510 гг. Рассматриваются причины, побудившие великого московского князя Василия III Ивановича положить конец Псковской независимости, упразднить республиканские институты и организовать служилую корпорацию по примеру других городов своего государства. Выясняется, какие категории псковского населения были в 1510 г. высланы в Москву в числе 300 семей. Изучается проблема генезиса псковской служилой корпорации и приводятся сведения о ее численности в XVI – начале XVII в. Выясняется, что даже в 1609–1610 гг., 100 лет спустя после ликвидации Псковской республики, местное летописание называет боярами псковских детей боярских в память об их происхождении.

Ключевые слова: Московская Русь, Псков, Псковская республика, Василий III, 1510 год, Иван Грозный, вече, посадник, бояре.

События «псковского взятия» рассматривались в работах И. Д. Беляева, А. И. Никитского, Н. Н. Масленниковой, А. А. Зимина, В. А. Аракчеева и др. ученых [9. С. 113–120; 10. С. 366–376; 11. С. 93–109; 13; 14] и, казалось бы, на сегодня они достаточно хорошо изучены. Осенью 1509 г. псковичи и их наместник, князь Иван Михайлович Репня Оболенский жаловались друг на друга находившемуся в Новгороде великому московскому князю Василию III. Тот признал правоту наместника и в январе 1510 г. арестовал некоторых псковичей (от посадников до житейх), после чего объявил псковичам о ликвидации у них веча, а 300 псковских семей, согласно местной летописной повести о псковском взятии [6. С. 94], переселил в Москву. Псков вошел в состав Московского государства. Часть псковичей была вывезена в Москву. Местное боярство сменила служилая корпорация, организованная наподобие других регионов Московской Руси.

Вместе с тем до сих пор исследователи не объяснили, что именно побудило Василия III покончить со Псковской республикой и какие именно группы псковичей составили 300 выселенных в Москву псковских семей. Нет убедительного объяснения и генезису псковской служилой корпорации, образовавшейся после присоединения Пскова к Московскому государству.

Представляется, что внимательный анализ источников позволяет ответить на эти вопросы.

Со времен последних лет правления великого московского князя Василия II и при его сыне Иване III Псков находился в значительной зависимости от Великого московского княжества, поскольку заметная роль в его управлении принадлежала московским наместникам. Псковичи обязаны были соблюдать верность Москве и участвовать на ее стороне в войнах, выполняя великокняжеские распоряжения. Новгород в 1477–1478 гг. был завоеван и присоединен к Московскому княжеству с помощью псковичей, призванных московским правителем в этот поход и подчинявшихся всем великокняжеским требованиям. Если московский князь считал, что псковичи поднимают мятеж против его наместника, то зачинщики арестовывались (именно так поступил Иван III в 1470-х гг., когда возник вооруженный конфликт псковского наместника Оболенского с псковичами и наместник совершил вооруженное нападение на жителей города). Тем не менее Псков сохранял свои старинные институты: вече и выборных должностных лиц, участвовавших в управлении городом и его владении. Великий князь мог иногда пойти псковичам навстречу и сместить неудобного им наместника на другого. Именно Василию III, сыну Ивана III, было суждено упразднить псковские республиканские институты и превратить Псков в один из городов Великого московского княжества.

В историографии высказывались различные версии о причинах, побудивших Василия III на исходе первого десятилетия XVI в. принять такое решение.

Согласно одной точке зрения, Псковская республика к тому времени ослабла изнутри (вечем завладели крикуны) и Василий III воспользовался этим чтобы покончить со псковским государством [10. С. 366–376]. Такое положение, впрочем, не представляется убедительным. В истории тяжбы псковичей со своим наместником не прослеживается кризис псковской государственности. Василий III оправдал Ивана Михайловича Репню, а псковичам приказал упразднить вече. Другое дело, что составитель опубликованной Н. Н. Масленниковой московской летописной пытается изобразить, что

среди псковичей не было единства, и меньшинство во главе с посадниками фактически навязывали остальным псковичам свое непримиримое отношение к наместнику Репне, а некоторые псковичи (хронист, впрочем, не уточняет, какие именно) ездили в Новгород Василию жаловаться на свою же «братию пскович» (хотя на самом деле это были лишь двое псковских посадников, жаловавшихся великому князю друг на друга [6. С. 93]). При том, согласно тому же источнику Василий III приводил к покорности всех псковичей разных социальных слоев [13. С. 244–254].

По другой версии, мстительный Василий III припомнил псковичам, что еще при жизни Ивана III они проявили неуважение Новгородскому и псковскому архиерею Геннадию Гонзову, а также ему, Василию, не пожелав его считать своим князем [9. С. 123; 11. С. 4–95; 14. С. 290–291]. Эта версия в некоторой степени подтверждается сообщением новгородского летописания о падении Псковской республики, резюмировавшего, что «вина» псковичей была в том, что они со своим «попом Троицким» выразили непочтение к Новгородскому и Псковскому архиерею Геннадию, отказавшись печь для него просфоры [11. С. 469, 537]. Впрочем, новгородское летописание, которое составлялось при местной епархии, соответственно, во многом отражало позицию новгородских архиереев. Но Василию III эта история десятилетней давности в 1509–1510 гг. настолько сильно, по-видимому, не волновала. Ни в псковской, ни в московской повести о псковском взятии, отражавшей великокняжескую позицию, данный сюжет не упоминается. Другое дело, что уезжая из покоренного Пскова назад через тот же Новгород, Василий III поставил перед главными храмами этих городов по негасимой свече [11. С. 469, 537]. Едва ли эта акция имела смысл подчеркнуть подчиненное положение Пскова новгородскому архиерею. Скорее наоборот: обозначала, что оба крупных северо-западных города Московского государства равны перед московским правителем.

Высказывались также гипотезы, что Василий III воспользовался отстранением новгородского архиепископа Серапиона, который будто бы мог вступить за псковичей, а также выгодной для Москвы внешнеполитической ситуацией, сложившейся после заключения мира с Ливонским орденом летом 1509 г. [9. С. 97]. Крайне сомнительно, впрочем, что Василий III, сам же низложивший Серапиона, стал бы считаться с его мнением. Тем более что впоследствии этот правитель лишит сана самого митрополита Варлаама за отказ развести его с первой женой, Соломонией. Поэтому Василий III был не таким человеком и государем, чтобы при собирании русских земель считаться с позицией церковных иерархов. Что касается мира с Ливонией (граничившей с псковской землей), то он мог создать благоприятные условия для псковского взятия. Причина же, по которой оно произошло именно в 1510 г., была в ином.

Русские источники, как правило, ее не объясняют. Между тем, очевидно, что Василий III задумал это осуществить еще как минимум в начале осени 1509 г., когда выехал из Москвы в Новгород разбирать конфликт псковичей и их наместника Ивана Михайловича Репни Оболенского с войском. Составитель псковской летописной повести о псковском взятии вполне обоснованно подозревал, что, по прибытии в Новгород, Василий III изначально задумал решить разбирательство в пользу Репни Оболенского [14. С. 92], а Псковскую республику упразднить.

Мы уже отметили недостоверную версию новгородского владычного летописания, по которой Василий III припомнил псковичам их неуважение к Геннадию Гонзову.

Согласно же Софийской I летописи, еще перед вступлением в должность псковского наместника, Иван Михайлович получил от Василия III указание досаждать псковичам, чтобы потом их же за это наказать [4. С. 25]. В действительности это весьма сомнительно: разбирая конфликт псковичей с наместником, Василий III, по крайней мере, на начальном этапе, определенно старался придать своим действиям законный вид, интересуясь мнением разных сторон: соответственно, не в его интересах было заранее заставлять Репню Оболенского вести себя одиозно. Ведь в этом случае был немалый риск, что вина Репни окажется слишком явной, чтобы списывать ее на псковские вольности и лишать псковичей вечового уклада.

Тем более, что наместник действительно относился к псковичам довольно пренебрежительно, и они прозвали его Найденом, поскольку он, вопреки обычаю, вступая в должность, не въехал к ним торжественно в город, а появился внезапно, будучи найденным на княжеском дворе [6. С. 92]. А согласно московской повести о псковском взятии, он, прибыв в Новгород к Василию III осенью 1509 г., жаловался среди прочего на псковичей, что те вступаются в его суды и оброки, тогда как во Пскове наместник всегда судил с псковскими властями и притом едва ли располагал всей полнотой власти, чтобы полностью не считаться с псковичами в размерах податей, собираемых с них и жителей Псковской земли.

Едва ли случайно после этого, согласно сведениям того же источника, Василий III требовал от псковичей больше не досаждать наместнику по всем перечисленным им пунктам, кроме этих двух [13. С. 244]. Все-таки он старался представить себя справедливым судьей, и поначалу не хотел требовать от псковичей соблюдать откровенно незаконные требования своего наместника. И хотя в дальнейшем, в следующие разы, призывая псковичей уважать этого наместника, он уже требовал от них не вмешиваться в его судопроизводство, но все же не призывал их не вступаться в сбор оброков.

Однако в эмоциональном антимосковском рассказе Софийской I летописи есть интересный момент, не учтенный исследователями: согласно нему, псковские делегаты прибыли жаловаться на своего наместника к Василию III в Москву, еще до отъезда его в Новгород, и просили вместо Репни послать нового наместника, «лучшего обычаемъ и дела и праведнейша судом», т. е., видимо более добродетельного, больше считающегося с псковским обычаем и более законно ведущего судопроизводство. Но Василий им ответил, что едет в Новгород разбираться с этим делом [4. С. 25].

Согласно опубликованной Н. Н. Масленниковой московской летописной повести о присоединении Пскова к Московскому государству, Василий III выехал в Новгород 23 сентября 1509 г. [13. С. 244].

Это сообщение представляется вполне достоверным. Ведь в Новгород он поехал с войском, в состав которого, помимо московских служилых людей, входили татары его зятя царевича Петра и, видимо, отряд его брата удельного князя Андрея. При этом служилых людей было, по-видимому, больше 1000. 1000 детей боярских он оставил в 1510 г. в покоренном Пскове следить за порядком. Ганзейский наблюдатель Ханс фон Раден доносил в Дерпт, что во Псков из Новгорода в 1510 г. прибыло большее войско, чем он когда-либо видел [12. С. 61]. Даже если он несколько преувеличил, все равно понятно, что осенью 1509 г. Василий III выехал из Москвы с не очень малыми военными силами, способными внушать псковичам страх и поддерживать в городе порядок. Видимо, после разговора с псковскими послами в Москве, Василий III смог оценить обстановку в Пскове и придти к выводу, что он найдет основание лишить псковичей их вечевого уклада. Заметим, что Василий III явно недаром задумал решать судьбу Псковской республики именно в Новгороде. Великий Новгород к тому времени был прочно присоединен к Московскому государству и расположен относительно близко от Пскова. Это, с одной стороны, было удобно для проведения разбирательства споров псковичей с наместником, а с другой, после объявления о ликвидации псковской государственности великий князь потом быстро прибыл с войском в Псков, отстоящий от Новгорода на расстоянии в несколько конных дневных переходов.

Не исключено, что в Москве перед отъездом в Новгород Василий III в самом деле пообещал псковичам, что по приезде в Новгород накажет их наместника [4. С. 25], потому что в дальнейшем псковичи неоднократно посылали к нему послов с настойчивыми просьбами его сместить. Следовательно, они надеялись, что Василий III пойдет им навстречу и избавит их от Репни Оболенского.

В Новгород великий московский князь с войском ехал, не торопясь. Отправившись 23 сентября из Москвы, он прибыл в него 26 октября [6. С. 92]. Новгородское летописание также датирует приезд Василия III временем за три недели до Филиппова «заговения» [3. С. 469, 537], то есть, аккуратно 26 числа, поскольку Филиппов, или Рождественский, пост начинался в старину 15 ноября*.

Дальнейшая тяжба псковичей и наместника, длившаяся до дня Крещения 6 января 1510 г., хорошо известна из псковской и московской летописных повестей о псковском взятии, и в целом эти источники мало противоречат друг другу, скорее – дополняют.

* Согласно московской повести о псковском взятии, это произошло уже 28 ноября [13. С. 244]. Та же дата встречается, впрочем, и в известии Новгородской IV летописи по списку Никольского [3. С. 632], хотя данная запись текстуально, безусловно, заимствована из московского источника, перекликаясь с последним почти дословно. Но эта дата не кажется правдоподобной. В осенние сезоны 1475 и 1477 г. великий князь с войском тратил на путь из Москвы до Новгорода или до его ближайших окрестностей менее полутора месяцев, но никак не больше двух месяцев. Дата 26 октября, предложенная в псковской летописной повести и в новгородских источниках, представляется более логичной. Таким образом, Василий III потратил на дорогу до Новгорода месяц и 3 дня, а не 2 месяца и пять дней. Дата 28 ноября, вероятно, имела отношение не к реальному дню прибытия в Новгород Василия III, а ко времени приезда туда к нему псковского наместника Репни Оболенского. Нетрудно заметить, что в московской повести отсутствует содержащаяся в псковском летописании информация о первоначальном приезде в Новгород псковских посадников Михаила Помазова и Юрия Елисеевича, а после известия о приезде Василия III упоминается уже прибытие наместника, который побывал в Новгороде позднее посадников [6. С. 92; 13. С. 244].

Правда, псковская повесть выражает сочувствие упраздненной псковской республике и акцентирует внимание на том, что Василий III сперва подавал псковским делегатам надежду: «Язь вас, свою отчину, хошу жаловати и боронити, якоже отец нашъ и деды наши, великий князи. И что ми повестуете о наместники моем, а о своем князи Иване Михайловичи Репни, аже только стануть на него мнози жалобы, и язь его обвиню пред вами». Потом он созвал в Новгород недовольных наместником псковичей разных слоев, но не вынес никакого решения – не «дал управы» на него, велел прийти к нему за оной «управой» 6 января на праздник Крещения, и тогда провел аресты многих псковичей, а вскоре объявил об упразднении веча [6. С. 92–93] (согласно данному источнику, на Крещение были арестованы все псковичи, бывшие в то время в Новгороде. Городские низы, не допущенные во владычную палату, были расселены по новгородским дворам [6. С. 93], это подтверждает и независимый иноземный наблюдатель – Ханс фон Раден, сообщая, что Василий III вероломно арестовал всех псковичей, приехавших к нему в Новгород [12. С. 61]).

Московская повесть отражает великокняжескую позицию наоборот; более того, как сказано выше, она пыталась показать отсутствие единства среди псковичей и навязывание меньшинством во главе с посадниками большинству непримиримое отношение к Репне. При этом великокняжеский хронист, в отличие от псковского, не приводит никаких обещаний Василия III дать псковичам управу на наместника. Напротив, достаточно подробно расписывает великокняжеские требования – неоднократно высказываемые псковичам с 1509 г. – чтобы Псков удовлетворял все основные претензии Репни Оболенского [13. С. 244–247]. Судя по обстоятельному рассказу московского книжника, тот пользовался документальным материалом. Тем не менее, псковские летописные сведения о великокняжеских обещаниях дать псковичам «управу» на наместника тоже, по-видимому, не лишены определенной достоверности – псковичи явно надеялись вплоть до 6 января 1510 г. ее получить, что очевидно и из контекста московской повести. Скорее всего, оба источника по-своему дополняют друг друга; Василий III вел себя очень дипломатично: с одной стороны, призывая псковичей помириться с действующим наместником, а с другой – не лишал их надежды, что даст на него управу. Это давало московскому правителю возможность в течение многих недель, с поздней осени 1509 г. по начало января 1510 г., тянуть время с вынесением окончательного решения, не теряя доверия псковичей.

Претензии псковичей к наместнику хорошо известны: они обвиняли его в том, что он правит ими не по старине, не считается с псковскими обычаями, судит не по справедливости, обирает их, так что им тяготится как город, так и пригороды.

А князь Иван Михайлович Репня Оболенский, в свою очередь, сообщал великому князю, что псковичи оказывают ему бесчестье, вступаются в его суды, доходы, оброки...

При этом, допустимо предположить, что во Пскове не существовало строгих норм, фиксирующих размер наместнического кормления. До какого-то момента наместник, с точки зрения псковичей, кормится умеренно, но потом уже (на их взгляд) наоборот, начинает проявлять непомерные аппетиты. Ну и для московских князей не был принципиально важен точный размер поборов их наместников в этом городе. Например, в 1470-х гг. наместничавший во Пскове другой князь Оболенский (Ярослав Васильевич) был, как известно, нелюбим псковичами за излишние поборы. Но когда псковичи за это жаловались на него в Москву, он, в свою очередь, рапортовал Ивану III, что, мол, псковские мужи своевольничают. Во всяком случае, этот князь Оболенский не считал нужным особенно вдаваться в обсуждение с великим московским князем размеров своих поборов, ему важнее было подчеркнуть, что псковичи проявляют неуважение к московским властям. Долгое время Иван III поддерживал этого наместника. Лишь в 1477 г. отослал его из Пскова (не за поборы, а за то, что тот со своими людьми устраивал совершенно неоправданную резню в городе, и это, видимо, сделалось слишком явным, чтобы все списать на мятеж самих псковичей). Но несколько месяцев спустя назначил его наместником только что завоеванного Новгорода. А согласно известной псковской характеристике наместничавшего в Пскове князя Шуйского Бледного, данной при описании участия псковичей в военных действиях, тот только и знал, что пить да обирать псковичей, а предводителем войска был никудышным. А если б горожане больше ценили его как военачальника, то сведения о его поборах, вероятно, вообще не попали бы в источники. Вероятно, поэтому даже в московской повести о псковском взятии, с относительно подробным описанием посольств и великокняжеских постановлений, взаимные жалобы псковичей на наместника и наместника на псковичей выглядят весьма общо (обида и неуважение) без какой-либо конкретики.

При том заметим, что псковский источник, сочувственно повествуя об арестах псковичей на Крещение на владычном дворе (придав ему настолько большое значение, что даже умолчал об из-

вестном из московской повести предварительном аресте князем некоторых псковских посадников [13. С. 247–248], тем не менее, не осуждает Василия III за вероломство. Как видно, он по-своему понимал, что тот имел основания для принятия таких мер.

Надо сказать, что псковичи проявили себя неоднозначно. Например, московская повесть сообщает, что еще в конце 1509 г. Василий III послал в Псков из Новгорода своих людей – окольничьего Петра Васильевича Великого и дьяка Третьяка Долматова: «послушати» псковичей и их наместника и в их делах «управиться», т. е. провести судебное разбирательство на месте. Но псковичи отказались дать им показания. После этого Великий и Долматов вернулись в Новгород и говорили, что псковичи перед ними с наместником ни в чем смолвы, управы, не учинили. Вместе с ними приехали псковские посадники с очередным требованием избавить их от Репни. Василий III велел им ответить, что поскольку псковичи не дали управы Долматову и Великому, то пусть наместник Иван Репня приезжает к нему в Новгород, а из Пскова приезжают «обидные» люди.

Когда эти обидные люди разных слоев приехали, то начали жаловаться как на наместника, так и друг на друга. Василий «обыскал» и пришел к выводу, что псковичи виноваты перед наместником. Некоторых посадников он арестовал. Другим же велел собираться на владычном дворе, а затем в скором времени объявил о ликвидации псковского веча [13. С. 246–248]. Иными словами, псковичи сами отказались судиться с наместником перед великокняжескими людьми, бойкотировали судебное разбирательство.

В этой связи понятно, почему вероломный поступок Василия псковским летописцем не описывается как незаконный. Ведь при всем сочувствии к Псковской республике он не мог не чувствовать, что, поскольку псковичи сами отказались у себя в Пскове от судебного разбирательства, то в Новгороде у Василия был некоторый резон поступить сходно: вместо продолжения судебных разбирательств принять волевое решение. Первые недели своего пребывания в Новгороде Василий III выслушивал и наместника и псковских делегатов, не лишая псковичей веры в то, что наместник будет изобличен в своих злоупотреблениях. Но теперь у великого московского князя нашелся хороший предлог однозначно обвинить псковичей в незаслуженном неуважении к Репне Оболенскому и ликвидировать Псковскую республику. Знал ли Василий III заранее, что все обернется именно так и именно в эти дни-недели, сложно сказать. Не исключено, что псковская миссия Великого и Долматова была изначально запланирована: во Пскове они, по-видимому, проявляли откровенное сочувствие к наместнику. По контексту их показаний именно псковичи бойкотировали судебное разбирательство, а не Репня Оболенский. Как видно, у псковичей эти лица не вызвали доверия, на что, возможно, московский государь и рассчитывал.

Во всяком случае Василий III, несомненно, достаточно умный и расчетливый политик, и поехав в Новгород с войском безусловно заранее готовился найти какой-нибудь удобный повод в ближайшие месяцы выполнить свои намерения относительно Господина Пскова, преподнося себя псковичам не как самодура, а как строгого, но справедливого правителя. Заметим также, что даже после требования упразднить вечевые порядки во Пскове, Василий III неоднократно обещал псковичам, что будет править ими милостиво. При этом свел 300 псковских семей в Москву.

Теперь обратим внимание на категории псковского населения, вывезенного им в столицу, что тесно связано с проблемой генезиса псковской служилой корпорации, организованной по образцу иных регионов Московского княжества.

В Степенной книге, составленной около полувека после присоединения Пскова к Московскому государству, сказано, что Василий III вывел всех «лучших» людей на жительство в Москву [5. С. 587]. Но прежде чем доверять показаниям этого позднего источника, обратимся к более современным сведениям.

Обычно исследователи перечисляют тех псковичей (от посадников до купцов), которых заманили во владычную палату в Новгороде 6 января 1510 г., и тех псковичей, что 27 января были заведены в Пскове в гридницу или княжескую избу.

Правда, это далеко не 300 семей, ведь в зал новгородской владычной палаты больше 50 чел. не поместится. Едва ли большей по размеру была псковская «гридница», она же «судная изба». Даже если прибавить к этому числу несколько ранее арестованных посадников (либо 9, прибывших в Новгород незадолго до Крещения, либо 11, включая Михаила Помазова и Юрия Елисеевича, ездивших к Василию III в Новгород еще осенью 1509 г.), все равно получится около 100, но никак не 300 глав семей. (Юрий Елисеевич был скорее всего среди арестованных; по московской повести, он был в числе тех

лиц, от имени которых уже в январе по приказу Василия III во Псков послали указ признать великокняжеское владычество и отказаться от веча [13. С. 250-251]). Причем все это писалось, в частности, так сказать, от имени тех псковичей, что были арестованы в Новгороде, чтоб сильнее воздействовать на их сограждан. Очевидно, в Москву впоследствии были высланы и те прибывшие в Новгород незнатные псковичи, которых Василий III во владычную палату не пустил, а, по данным псковского летописания [6. С. 93], первоначально расселил по новгородским дворам, и как бы от имени которых, как свидетельствует московская повесть, вскоре отправил во Псков грамоту с требованием упразднить вечевого уклад [13. С. 251]. (Кстати, в новгородском летописании среди выселенных в Москву псковичей после бояр, купцов бояр и купцов упоминаются «лучшие люди» [3. С. 469, 537]. Очевидно, речь идет о богатых ремесленниках. На данной конференции прозвучал доклад А. М. Молочникова, который обосновал на смоленском материале принадлежность к лучшим людям не только торговцев, но и богатых, или уважаемых, ремесленников).

Однако среди тех примерно 100 или менее людей – что зашли в палату и в гридницу плюс максимум 11 арестованных до этого посадников, – бояр было едва ли много, как нетитулованных, так и обладателей посадничьей должности (во Пскове далеко не все бояре были посадниками, но все посадники являлись представителями боярства: в 1397 г. псковичи послали 2 посадников и «иных бояр в Новгород», в 1410 г. посадники и «иных много бояр» участвовали в переговорах с Ливонским Орденом)*.

Вместе с тем в больших русских городах боярство исчислялось сотнями, причем еще в домонгольское время. Известно, к примеру, что в 1211 г. в Галиче одних убитых бояр, по сведениям местного летописца, было 500 [2. С. 723–724]. Даже если местный хронист несколько преувеличил их количество, важен сам порядок. В 1471 г. после Шелонской битвы в московских плен попало несколько десятков новгородских бояр, это не привело к исчезновению всего городского боярства – некоторые бояре, к примеру, тем же летом заключали Коростынский мир. Один новгородский владычный полк, состоявший из новгородских «больших людей» – бояр думается состоял не менее, чем из нескольких десятков бояр, если перед Шелонской битвой «новгородцы» выражали надежду, что этот полк окажет им помощь в бою с москвичами [3. С. 446].

Во Пскове, из которого вывели едва ли больше бояр, должно было оставаться в большом количестве местное боярство. По-видимому из него-то и произошла местная служилая корпорация. Согласно весьма точным сведениям большого дьяка Родиона, в Пскове на 1534 г. числилось 415 детей боярских и 30 земцев [1. С. 115]. Вполне реальное количество, если считать детей боярских потомками псковского боярства. Что касается земцев, то о происхождении этой псковской категории населения среди историков нет единства. Но земцев было слишком мало, чтобы считать их, к примеру, потомками местных псковских знатных землевладельцев, не вывезенных в Москву (ведь тех в 1510 г. осталось во Пскове более 30!). К тому же они не были постоянными участниками военных походов и упоминаются считанное количество раз, из чего можно заключить, что профессиональными воинами их назвать нельзя.

Любопытно, что псковские дети боярские в местном летописании иногда назывались боярами вплоть до начала XVII в. Случаи достаточно уникальные в истории Московской Руси. Очевидно, во Пскове не забывали об их происхождении от местного боярства удельного периода.

Осенью 7071 (1562) г. во время нападения литовцев на Псковскую землю от вражеского набега пострадали «дворы боярския» [7. С. 243]. В 1609 г. многих псковских «бояр» пытали за то, что они были против возвращения города под власть царя Василия Шуйского, хотя речь здесь, безусловно, идет о детях боярских (отметим, что при описании событий 1609 г. они несколько раз названы боя-

* Эти примеры привел В. А. Аракчеев при характеристике псковского боярства [9. С. 54]. Но любопытно, что сам ученый выступает против традиционного отождествления посадников с боярством [9. С. 57]. Правда, он не оговаривает, касается ли это только расхожего мнения о кастовости псковской аристократии, или закреплённости за боярством такой должности. Другое дело, что посадничество он, в отличие от боярства, считает наследственным институтом, ссылаясь на упоминание сыновей посадничьих [9. С. 57]. Однако не ясно, кем считались эти «сыны посадничьи»: будущими посадниками по определению или просто детьми высших республиканских чиновников, исполнявшими отцовские поучения. Новгородский сын посадничий Юрий Дмитриевич, собиравший в 1387 г. Дмитрию Донскому контрибуцию на Русском Севере, в 1398 г. уже известен как обладатель посадничьей степени [3. С. 357, 383]. Тем не менее в Новгороде эта должность далеко не всегда переходила по наследству от отца к сыну, а также не удерживалась больше двумя-тремя поколениями подряд.

рами; кроме того, упоминаются псковские «боярыни»; под 1610 г. псковские дети боярские тоже один раз фигурируют в том же источнике как бояре) [7. С. 271–275].

Во второй половине XVI в. численность псковской служилой корпорации (в сравнении с данными на 1534 г.) начала убывать. К примеру, в Полоцкий поход 1563 г. пошло лишь 378 псковских помещиков, включая земцев.

Вероятно, это связано с политикой Ивана Грозного, который сотнями переселял псковские семьи в другие города. Вообще этот государь очень подозрительно относился к псковичам, и отношения с ними у него с юности были плохими. Еще в 1547 г., когда псковские послы прибыли к нему с жалобами на своего наместника князя Турунтая, он слушать их не стал, а приказал жестоко увечить – жечь бороды и волосы, а также обливать горячим вином.

В нач. XVII в. во Пскове числилось менее 150 служилых людей. В 1615 г. во Пскове числился 131 дворянин, в 1617 г. – 123 [8. С. 340–341, 650–651]*.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Памятники истории Восточной Европы. М., Варшава, 2002. Т. 6.
2. Полн. собр. русских летописей. М., 1998. Т. 2.
3. Полн. собр. русских летописей. М., 2000. Т. 4. Ч. 1.
4. Полн. собр. русских летописей. СПб., 1853. Т. 6.
5. Полн. собр. русских летописей. СПб., 1913. Т. 21.
6. Псковские летописи. М., Л., 1941. Вып. 1.
7. Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2.
8. Русская историческая библиотека. СПб., 1901. Т. 28.
9. Аракчеев В. А. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII вв. Псков, 2004.
10. Беляев И. Д. Рассказы из русской истории. М., 1867. Кн. 3.
11. Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.
12. Казакова Н. А. Ливонские и ганзейские источники о внутривосточной истории России в кон. XV – нач. XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. 7.
13. Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. СПб., 2010.
14. Никитский А. И. Очерк внутренней жизни Пскова. СПб., 1873.

Поступила в редакцию 18.12.16

M.A. Nesin

ON THE HISTORY OF THE ANNEXATION OF PSKOV TO THE MOSCOW STATE

This article focuses on the history of the annexation of Pskov to the Moscow centralized state in 1509-1510. It discusses the reasons for the great prince of Moscow Vasily III Ivanovich to put an end to Pskov's independence, to abolish republican institutions and to organize serving corporations, following the example of other cities of the state. It is found out what category of Pskov population was expelled in 1510 to Moscow among 300 families. In addition, we have studied the problem of the genesis of Pskov serving corporations and provided information on its population in the 16th - early 17th century. It turns out that even in 1609-1610, hundred years after the abolition of the Pskov republic, Pskov boyar children are called boyars in local chronicles in the memory of their origin.

Keywords: Moscow Russia, Pskov, Pskov Republic, Vasily III, 1510, Ivan the Terrible, veche, posadnik, boyars.

Несин Михаил Александрович,
младший научный сотрудник

Военно-исторический музей артиллерии,
инженерных войск и войск связи
197101, Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 7
E-mail: petergof-history@yandex.ru

Nesin M.A.,
junior researcher

Military Historical Museum of Artillery,
Engineering and Signal Corps
Alexander Park, 7, St. Petersburg, Russia, 197101
E-mail: petergof-history@yandex.ru

* За данную информацию благодарю Н. В. Смирнова.